

Р.Л.Лившиц
г. Комсомольск-на-Амуре

ЛИЧНОСТЬ В XXI ВЕКЕ: НЕОБХОДИМОСТЬ НОВОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

XX век вошел в историю человечества как век технического триумфа. Именно в XX веке произошла автомобилизация человечества, планету накрыли мощные транспортные сети, электрические машины и устройства властно вторглись в жизнь, революционизировали быт. На человечество низвергается гигантский поток товаров – в сравнении с тем, что было в прошлом веке это Амазонка против жалкого ручейка. И этот поток продолжает нарастать с неудержимой силой. Рынок культивирует все более разнообразные, все более изощренные потребности. “Золотой миллиард”, на которого в основном снизошла вся эта благодать, во все более убыстряющемся темпе вовлекает в процесс потребления ресурсы планеты, желая и далее вкушать плоды технического прогресса, наслаждаться богатством и комфортом, пребывания в эйфории по поводу своего могущества.

Но эйфория не может продолжаться вечно. Уже сейчас для проницательных умов очевидна неизбежность экологического похмелья. В XXI веке человечество, несомненно, столкнется с такими глобальными проблемами, которые под страхом всеобщего суицида заставляют в корне изменить парадигму существования и развития современной цивилизации, вынудят людей пересмотреть критерии, нормы и идеалы рациональности.

Современная цивилизация вдохновляется потребителски-гедонистическим идеалом. Потребление рассматривается как главная цель жизни. Ей подчинены все остальные цели. Все. Что увеличивает потребление, повышает благосостояние и комфорт, расценивается как благо. Действия по умножению блага – это рациональные действия. Чем быстрее и вернее действия ведут к поставленной цели, тем выше степень их разумности. Рациональность, таким образом, приравнена к эффективности. Разумный человек тот, кто стремится непрерывно повышать свое благосостояние, выбирая к этой цели самый короткий, требующий наименьших усилий путь. Всякое иное поведение иррационально, а то и просто иррационально.

Суммируем основные черты идеала рационального поведения, характерные для личности XX века в виде максим.

Максима первая: цель жизни – обладание.

Максима вторая: чем больше вещей имеешь, тем лучше живешь.

Максима третья: рациональными являются действия, ведущие к цели кратчайшим путем.

Конечно, каждой из конкретных личностей эти максимы интериорируются с различной полнотой и глубиной. Всегда были, есть и будут люди, придерживающиеся иных форм и правил. В данном случае речь идет о типичной для нашего века личности. Все эти максимы находятся в вопиющем противоречии с реалиями века нынешнего и несут в себе смертельную угрозу в веке будущем. Если человечество желает выжить, оно должно будет сформировать личность (существующую не

в виде исключения из правил, а составляющую само это правило), которая теоретически исповедует и практически придерживается прямо противоположных максим.

Максима первая: цель жизни – творческая самореализация.

Максима вторая: иметь вещей свыше минимума, необходимого для содержательной творческой жизни, – недопустимо.

Максима третья: рациональными являются действия, основанные на чувстве ответственности за жизнь и благополучие будущих поколений.

Отношение обладания фундаментальное человеческое отношение. Но это отношение содержит в себе момент искушения и соблазна. Человеку требуется совершить усилие над собой, чтобы преодолеть этот соблазн, избежать искушения. Если такого усилия не предпринимать, плыть по течению, обладание из средства жизни становится ее основным содержанием, главным побудительным мотивом и единственной целью. “Наша собственность нас поглощает” (Г. Марсель). Формированию личности именно в таком направлении способствует вся идейная атмосфера современного потребительского общества, вся система его ценностей и приоритетов.

Отказ от потребительской ориентации не означает апологии бедности. Бедность – худший вид несвободы. Отказ от потребительства означает лишь то, что “человек выше сытости”. Человек имеет неотъемлемое право на то, чтобы не чувствовать голода, но эта свобода нужна ему не сама по себе, а как условие свободного саморазвития, самореализации. Разумным является поведение, подчиняющееся принципу умеренной аскезы. Гедонизм неразумен, следование гедонистическому императиву деструктивно в плане социальном и разрушительно по отношению к личности. Человек, переходящий в потреблении разумную меру, превышающий стандарты, которые в обществе принято считать допустимыми, заслуживает морального осуждения. Его поведение является безнравственным и даже антиобщественным.

Такая система приоритетов предполагает переход к иной системе отсчета. Человек обладающий, т.е. современный человек, мыслит во временных масштабах собственной жизни, максимум – жизни своих детей. Дальше этого его умственный горизонт не простирается. Он не осознает свое поколение как одно из звеньев в длинной цепи поколений; он не понимает, что участвуя в проматывании природных ресурсов, он обкрадывает собственных потомков.

В настоящее время трудно представить себе, как практически возможен тот коренной сдвиг в ценностной сфере, о котором здесь идет речь. Не исключена вероятность того, что цивилизация не сумеет найти на вызов времени и прекратит свое существование. И XXI век может оказаться последним в истории человечества.

Осознавая эту опасность, рискуем, однако, предположить, что у наших потомков достанет благоразумия осуществить необходимые преобразования. На наш взгляд, они должны протекать по следующим направлениям:

- 1) институциональные преобразования, направленные на обуздание стихии рынка и снижение привлекательности потребительства;
- 2) образование и воспитание, нацеленное на формирование личности,

отвергающей потребительски – гедонистический идеал.

И.С. Утробин
г. Пермь

ФИЛОСОФИЯ КАК ИСТОЧНИК “НОВОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ”

Речь идет о путях развития собственно философии. Являются ли изменения, происходящие в ней, источником кризиса, самим кризисом или выходом из него? Можно утверждать, что ни первое, ни второе, ни третье не соответствуют духу развития философии конца XX в. Кризис переживает человечество на планете Земля, а человеческий интеллект как вторичное по отношению к материальным потрясениям и относительно самостоятельное образование успевает адекватно откликаться на внешние потрясения. Развитие философской мысли иногда напоминает литературный процесс, содержательная активность которого усиливается, когда человеку становится особенно “плохо”

Одним из главных факторов современной трансформации философии является усиливающееся “давление” науки, связанное с изменением функционирования научного знания, способом развития которого все чаще становится научная революция и перестройка оснований научного поиска. Если раньше возникновение фундаментальных наук было связано с их отпочкованием от философии, то сейчас глубинные процессы дифференциации и интеграции научного знания – это способ саморазвития науки. Но, по-видимому, одной из наиболее значимых черт прежде всего современного естествознания является проникновение во все его области эволюционных идей. Без понятия сложности современная наука становится существенно неполной. Понятие “глобальный эволюционизм” закрепилось в научном знании как своего рода “философский конструкт”, в границах которого мир понимается как мировой процесс самореализации материи, единый синергетический процесс (Моисеев Н.Н.), как длинная цепь усложнений (Альвен Х.), как мир, в котором человек является неотъемлемой составной частью эволюционирующей Вселенной (Пригожин И.).

Эти изменения в науке XX в. Оказались наиболее созвучны тем результатам, к которым пришла философская мысль при разработке одной из фундаментальных проблем – проблемы развития. Они оказались одной из главных причин необходимости появления нового типа рациональности, дескрипторами которого стали такие понятия, как сложность, многообразие, единство, низшее, высшее, неустойчивость, упорядоченность, хаос, самоорганизация, выбор, бифуркация, плюрализм. Именно со стороны представителей науки прозвучало утверждение: “Наше видение природы претерпевает радикальные изменения в сторону множественности, темпоральности и сложности. Весьма примечательно, что неожиданная сложность, обнаруженная в природе, привела не к замедлению прогресса науки, а наоборот, способствовала появлению новых концептуальных структур, которые ныне представляются существенными для нашего понимания физического мира”(1).